

18+

Изольда Январская Лед Сибири, зной Саванны

<https://litres.ru/74668512>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хан Чингиз — безудержный правитель, привыкший брать всё, что пожелает. Когда его люди похищают из жаркой эфиопской саванны Мариам — невероятную 190-сантиметровую дикарку с сокрушительной силой и необузданным нравом, — он уверен, что легко сломает эту «черную львицу». Четыре года уходят на то, чтобы подчинить её тело и обучить татарскому этикету. Но можно ли сковать шёлком сердце, которое жаждет первобытной свободы?

В это же время в гареме кипят куда более опасные страсти. Чтобы спасти многомиллионные контракты, Чингиз идет на жестокий заговор и отбирает новорожденного сына у своей искренне любящей сибирской наложницы Земфиры, сослав её в психиатрическую лечебницу со стёртой памятью.

Пока законная жена Бюллюр пытается вернуть внимание хана с помощью изощренных восточных ласк, из Европы начинается тянуться нить мести. Влиятельный магнат Оливье Курабье затевает смертельную игру против зятя, вызволяя Земфиру из плена.

Изольда Январская

Лед Сибири, зной Саванны

Лед Сибири, зной Саванны.

Где-то в жаркой Эфиопии, среди бескрайней и знойной саванны, проживало мирное племя местных жителей. Это были удивительные, статные люди — рослые мужчины и женщины от 190 сантиметров ростом. Женщины племени отличались крупным, могучим сложением, весили от 120 килограммов и обладали большими грудями, широкими бёдрами и мясистыми ягодицами. Быт этого народа был устроен незамысловато: мужчины целыми днями охотились, обеспечивая соплеменников пищей, а женщины вели нехитрое хозяйство. В этом уединённом мире родилась и выросла гордая, независимая Мариам. По местным меркам она считалась настоящей, писаной красавицей: её рост составлял 190 сантиметров, а вес — целых 150 килограммов. Она обладала невероятно крупными бёдрами, мясистыми ягодицами и недюжинной, сокрушительной силой. Всё её крепкое тело было покрыто мягкими короткими кудряшками. В свои 25 лет эта местная красотка оставалась очень независимой девушкой и совершенно не стремилась создавать семью в привычном для её соплеменников понимании. Всё её племя жило первобытной жизнью, они оставались дикарями и никогда в глаза не видели признаков цивилизации. В один прекрас-

ный эфиопский день Мариам решила во что бы то ни стало загнать крупного кабана. Ранним утром она собрала своё скромное охотничье снаряжение и отправилась вглубь саванны выслеживать животное. Девушка была настолько сосредоточена на следах зверя, что и подумать не могла: в это самое время на неё тоже шла спланированная охота. Как только туземка отошла на безопасное расстояние от стоянки своего племени, в её пышную ляжку внезапно и больно впился крошечный дротик. Мариам даже не успела среагировать, настолько её внимание поглотил кабан. Почувствовав резкое, накатывающее волной лёгкое головокружение, женщина тяжело опустилась на четвереньки. Собрав последние силы, она отчаянно и протяжно завывала, пытаясь привлечь внимание своего племени и позвать мужчин на помощь. Но в ту же секунду на её голову безжалостно опустилась небольшая тяжёлая дубинка, и Мариам мгновенно потеряла сознание, провалившись в глубокую темноту. Когда Мариам наконец пришла в себя, вокруг была полная темнота. Голова страшно кружилась, шея затекла и нестерпимо ныла от резкой боли. Она попыталась пошевелиться, но осознала, что находится в каком-то тесном замкнутом пространстве. Внезапно в помещение пролился яркий, ослепительный солнечный свет — тяжёлая дверь отворилась. В проёме показался высокий человек, облачённый в невероятно богатые, расшитые одежды. Его звали Равиль. Он подошёл ближе, быстро и профессионально осмотрел полубессознательную туземку и удовлетво-

рѐнно кивнул кому-то, кто оставался стоять в темноте за его спиной. Мариам почувствовала новый резкий укол в ягодицу и опять отключилась, не успев даже издать ни звука. Когда она в очередной раз открыла глаза, ситуация изменилась. Её руки и ноги теперь были намертво, плотно стянуты широкими кожаными ремнями. Под собой она ощущала что-то непривычно холодное, твёрдое и металлическое. Всё её тело непрерывно раскачивало и трясло. Как оказалось позже, её везли внутри закрытого фургона грузовой машины. Эфиопскую женщину, которая всю жизнь росла и жила в диком племени и никогда в жизни не сталкивалась с проявлениями цивилизации, охватил настоящий животный, первобытный ужас. От вида этих странных замкнутых стен и непонятного движения её сердце готово было выпрыгнуть из груди. Равиль и его люди понимали, что дикарка может просто умереть от разрыва сердца и дикого страха, если окажется в сознании при виде чудовищных для неё вещей. Именно поэтому, когда девушку вытащили из фургона, чтобы посадить на огромный частный самолёт, её снова предусмотрительно усыпили мощными транквилизаторами. Иначе рѐв турбин и замкнутое железное брюхо взлетающей крылатой машины убили бы её на месте одним только ужасом. Когда в очередной раз спасительное забытие отступило, Мариам снова обнаружила себя в фургоне — её наконец-то привезли в назначенное место. Рядом с машиной мгновенно появились десятки вооружённых мужчин — гвардейцев, которые

преданно служили местному могущественному правителю, хану. По приказу командира они с силой выволокли крупную женщину из фургона, освободив её конечности от пут. Но как только сто пятьдесят килограммов первобытной силы оказались на свободе, Мариам отчаянно ринулась в бой за свою жизнь. Женщина начала метаться среди огромных, величественных мраморных колонн дворцового двора, издавая пугающие, утробные звуки и дикий рык. Она раз за разом вставала в нападающую стойку, яростно отбиваясь от нападавших. Гвардейцы, тяжело дыша, пытались скрутить Марьям, но сделать это было чрезвычайно трудно. Им нужно было во что бы то ни стало загнать её в татарские бани, чтобы тщательно отмыть от многодневной дорожной грязи, пота и резкого запаха саванны перед встречей с господином. Дикарка билась до последнего, не жалея сил и раскидывая мужчин в стороны. А сверху, из огромных панорамных окон своей шикарной спальни, за этой завораживающей, дикой картиной внимательно наблюдал красивый мужчина и великий воин — хан Чингиз. В его глазах горел опасный огонь. Он давно и сильно истосковался по женскому телу. Его законная жена и любимая наложница сейчас были на сносях, на поздних сроках беременности, а великий государь был человеком безудержной, кипящей страсти. Он не мог и не желал отказываться от своего мощного мужского зова. Смотря на яростную борьбу этой огромной, сильной 25-летней чужестранки с пышными бёдрами и великолепным телом,

Чингиз понимал, что эта ночь будет особенной. Хан лениво взмахнул рукой, подзывая начальника стражи, и властно командовал: — Хватит тратить силы моих людей и рисковать их здоровьем. Примените ловчие сети. Свяжите эту строптивую львицу аккуратно, тащите в бани и приготовьте к сегодняшней ночи. Я сам усмирю её дикий нрав. Внутри татарских бань закипела настоящая, первобытная бойня. Просторный, наполненный густым влажным паром зал с мраморными суфами в мгновение ока превратился в зону боевых действий. Двадцатипятилетняя Марьям, которая ни разу в жизни не мылась и не знала иной воды, кроме редких дождей и чистых рек Эфиопии, пребывала в лютейшем страхе и отчаянии. Окружающий интерьер — клубы горячего пара, сокрушительный жар, облицованные камнем стены и крики на чужом языке — казался ей настоящим подземным преисподним миром, куда её утащили злые духи — Держите её! Держите за руки! — надрывно кричал начальник гвардейцев, уворачиваясь от летящего в него массивного медного таза. Тяжёлый таз с грохотом врезался в стену, оставив вмятину на изразцах, и отлетел в сторону. Банщики в мыльной пене и гвардейцы в намокших одеждах летели во все стороны вперемешку с ушатами и ковшами. Обладая ростом в 190 сантиметров и сокрушительным весом в 150 килограммов, эфиопская великанша крушила всё на своем пути. Её мощные, широкие бёдра и мясистые ягодицы напряглись до предела; покрытая короткими кудряшками кожа блестела от по-

та и конденсата. Она металась по скользкому полу, сбивая с ног мужчин одного за другим, словно кегли. Из её груди вырывался дикий, пугающий рёв раненого зверя. Понимая, что силой удержать эту амазонку не удастся, один из изворотливых банщиков решился на крайнюю меру. Подобравшись сбоку, он плеснул женщине прямо в лицо густой жидкостью из флакона. Марьям мгновенно почувствовала жгучую, невыносимую боль. Это был концентрированный мыльный шампунь. Слепшая, ничего не видящая перед собой великанша взревела от новой волны паники. Она рухнула на колени, тяжело сотрясая каменный пол бани, и начала отчаянно реветь, размазывая по лицу едкую, густую пену, которая только сильнее разъедала глаза. — Сейчас! Быстрее, пока она дезориентирована! — скомандовал старший гвардеец. Пока Марьям, ничего не видя, каталась по полу и пыталась стереть мыло, к ней сзади подскочили несколько опытных банщиц с чашами горячего, тягучего воска. Они действовали молниеносно и безжалостно. Профессиональными, заученными движениями они нанесли плотную массу на её стратегические места и, выждав долю секунды, резко, одним махом сорвали застывший воск вместе с волосами. В этот миг стены татарской бани буквально содрогнулись. Дикий, оглушительный, полный первобытной боли крик [Марьям](#) эхом прокатился под мраморными сводами дворца. Казалось, этот полный отчаяния и ярости вопль донёсся до самой её далёкой, жаркой Эфиопии. Слепшая и разъярённая от невы-

носимой боли, Марьям окончательно впала в первобытное неистовство. Ничего не видя перед собой из-за разъедающего глаза шампуня, 150-килограммовая эфиопская великанша крушила всё на своем пути, превращая баню в руины. Понимая, что удержать её руками невозможно, гвардейцы пошли на крайние меры. Они набросили на мечущуюся женщину прочную ловчую сеть и начали со всех сторон безжалостно поливать её ледяной водой из шлангов, смывая мыльную пену, грязь и остатки воска. Эта изнурительная борьба продолжалась несколько часов. В конце концов, дикий напор воды и сковавшие тело путы сделали своё дело — [Марьям](#), совершенно обессилевшая, затихла и осталась лежать на холодном мраморном полу, тяжело и прерывисто дыша. В это время в своих роскошных покоях хан Чингиз готовился к встрече. Он зашёл за резную ширму, уверенным движением вытащил оттуда плётку и огромных размеров деревянный фаллос. С холодным, предвкушающим спокойствием воина он сел на край огромной, устланной шелками кровати и начал ждать. Ровно через час тяжёлые двери покоев с грохотом распахнулись. Гвардейцы, тяжело дыша, с силой впихнули эфиопку внутрь и тут же заперли за ней бронированную дверь. Марьям замерла посреди роскошного зала. Её мощное, 190-сантиметровое тело теперь пахло не сухой травой саванны, а резким, чужим мылом. За эти сутки непрерывной борьбы, похищения, перелёта и издевательств в бане 25-летняя туземка заметно подустала. Она была глубоко

шокирована происходящим вокруг неё безумием и до боли в животе голодна. Хан медленно поднялся с кровати и встал прямо напротив неё. Великий государь был силен и статен, но эфиопская женщина оказалась выше него на целую голову. Чингиз пристально, с нескрываемой страстью и властным вызовом посмотрел снизу вверх в её дикие, заплаканные глаза, крепко сжимая в одной руке плётку, а в другой — огромный деревянный фаллос. В комнате повисла звенящая, опасная тишина. Несмотря на полное истощение, гордый и независимый дух 25-летней эфиопки не был сломлен. Увидев стоящего перед ней мужчину с оружием в руках, Марьям мгновенно перешла в нападение. Она с яростным рыком наотмашь махнула своей мощной рукой с острыми, нестриженными когтями. Воздух со свистом рассекся прямо перед лицом правителя — когти прошли в каких-то миллиметрах от его глаз, чуть было не задев кожу. Чингиз, бывалый воин с молниеносной реакцией, резко отпрянул назад. В его глазах вспыхнул опасный, звериный азарт. Поняв, что эта великанша не собирается сдаваться без боя, хан перешел к жестокому усмирению. Он резко замахнулся и с размаху ударил тяжелой плёткой по её крупным, здоровым ягодицам, с которых только недавно в бане сорвали волосы. Хлесткий, оглушительный звук удара эхом разнесся по богатым покоем. Марьям дико взвыла от неожиданной и острой боли, её 150-килограммовое тело судорожно вздрогнуло. Но Чингиз не останавливался. Желая полностью подавить сопротивление

ние дикарки, он хлестал и хлестал молодую девушку, целясь по её пышным бедрам и спине. Хан вкладывал в каждый замах всю свою мужскую силу, заставляя строптивую туземку подчиниться его непреклонной воле. Под градом безжалостных ударов Марьям, измученная сутками голода и борьбы, начала пятиться назад, ища спасения от этой жгучей, неведомой ей доселе кары. Под натиском безжалостной плётки силы окончательно покинули 150-килограммовую великаншу. Её мощные колени подогнулись, и она с глухим стуком рухнула на роскошные ковры ханской спальни. Превозмогая жгучую боль, Марьям предприняла последнюю отчаянную попытку спастись — тяжело переставляя руки, она попыталась уползти в сторону дверей. Однако хан Чингиз не собирался упускать свою добычу. Увидев, что сопротивление дикарки сломлено, он решил применить последний, самый жестокий усмирительный жест, чтобы полностью закрепить свою власть над гордой туземкой. Правитель стремглав подскочил к ползущей женщине сзади. Зафиксировав её своим весом, он навалился на её крупные бёдра и с силой втолкнул ей в зад огромный деревянный фаллос. Новый, резкий шок и пронзительная боль заставили тело Марьям судорожно вытянуться, а её крик бессилия затих в подушках огромной кровати. Хан Чингиз жёстко и непреклонно подчинял своей воле дикую львицу из эфиопской саванны. Пока эфиопская красавица сотрясала роскошные покои дворца своими первобытными, животными криками боли и ярости, хан Чин-

гиз оставался непреклонен. Каждое движение правителя было направлено на то, чтобы наказать строптивую пленницу и полностью подчинить её своей воле. Вся её былая независимость и гордость, оберегаемые в жаркой саванне, теперь рушились под натиском чужой, безжалостной силы. В какой-то момент, не в силах больше сдерживать бушующий внутри него мужской зов и кипящую страсть, Чингиз резким движением вытащил деревянную игрушку. Навалившись всем своим весом на измученное, покрытое каплями пота и мыльной пены тело 25-летней великанши, хан со всей своей великой мощью воина вошёл внутрь девушки. Он начал неистово и грубо долбить зад чернокожей красавицы, окончательно забирая себе этот экзотический, 150-килограммовый трофей. Марьям, чьи мощные бёдра и мясистые ягодицы теперь были полностью во власти восточного государя, оставалось лишь принимать эту жестокую плату за свою ослепительную дикую красоту. Внутри мощных бёдер туземки, охваченных судорогами от жестокого натиска, начал медленно завязываться тугой, пульсирующий узел — чувство, абсолютно неведомое ей до этого дня. Всю свою жизнь в жаркой эфиопской саванне 25-летняя Мариам держалась особняком, рьяно оберегая свою независимость и не подпуская к себе мужчин племени. Сексуальная страсть, да ещё и в такой агрессивной, доминирующей форме, была для её тела шокирующим открытием. Эта внезапная волна жара, рождённая на стыке невыносимой боли, первобытного страха и глубокого физическо-

го потрясения, заставила её 150-килограммовое тело судорожно выгнуться. Животные крики Мариам изменили свою тональность. Она больше не пыталась ползти к выходу — незнакомое, пугающее ощущение сковало её мышцы, заставляя крупную плоть непроизвольно содрогаться в такт сокрушительным толчкам хана Чингиза. Правитель, почувствовав, как тело великанши под ним изменило сопротивление и как сильно сжались её мощные ягодицы, лишь сильнее распалился, забирая эту дикую, непокорную силу себе без остатка. Сделав последнее, мощное усилие, хан Чингиз полностью излился внутрь неё, отдавая всю накопившуюся страсть этой бурной и яростной ночи. Его тяжелое дыхание эхом разносилось по притихшей спальне, пока он медленно отстранялся от обессиленной пленницы. Марьям осталась лежать на шелковых простынях, уткнувшись лицом в подушки. Ее 150-килограммовое тело, непривычное к столь жестоким и чуждым потрясениям, мелко дрожало. Внутри нее все еще пульсировало то самое неведомое, пугающее ощущение, смешанное со жгучей болью и полным физическим истощением. Сутки непрерывной борьбы — от укола дротика в эфиопской саванне до этого роскошного, но ставшего клеткой дворца — окончательно лишили 25-летнюю великаншу сил. Хан поднялся с кровати, накинул на плечи легкий шелковый халат и сверху вниз посмотрел на свой экзотический трофей. В его взгляде больше не было ярости — только удовлетворение воина, который взял штурмом неприступную крепость.

Марьям была усмирена, но Чингиз понимал, что эта дикая львица потребует еще много внимания. Он подошел к дверям и негромко отдал приказ караулившим гвардейцам:

— Принесите ей лучшей еды, много мяса и чистой воды. Заприте покои и никого не впускайте. Пусть отдыхает. Завтра я вернусь. Двери за правителем захлопнулись, оставив эфиопскую красавицу в звенящей тишине ее новой, роскошной тюрьмы. Марьям осталась лежать на полу, уткнувшись лицом в ковер. Её тяжелое, измученное дыхание вздымало ворс роскошного восточного полотна. Расслабившийся и удовлетворенный хан на секунду отвернулся, уверенный, что дикая великанша полностью сломлена и обездвижена. Но это была фатальная ошибка. Несмотря на жгучую боль и истощение, внутри 25-летней эфиопки вспыхнул последний, отчаянный огонь первобытной ярости. Собрал в кулак всю свою невероятную силу, 150-килограммовая туземка резко взбросила свое массивное тело вверх. Марьям рванулась вперед и нанесла сокрушительный, неожиданный удар прямо в спину государя. Чингиз сдавленно охнул от мощного толчка, едва не перелетев через край огромной кровати. Между ними мгновенно завязалась жестокая, яростная борьба. Хан, бывалый и сильный воин, пытался перехватить руки великанши, но разъяренная Марьям, превосходящая его ростом на целую голову, навалилась сверху, впиваясь ногтями в его кожу и круша дорогую шелковую одежду. Спальня

наполнилась хрипами, рычанием и грохотом переворачиваемой мебели. — Гвардия! Ко мне! — яростно закричал хан, пытаясь удержать мощные плечи женщины. В ту же секунду тяжелые двери распахнулись. В покои влетели напуганные криком повелителя воины. Оценив ситуацию, они не решились подходить близко к беснующейся амазонке — прямо на девушку полетела массивная, сплетенная из прочных кожаных ремней и утяжеленная грузилами ловчая сеть. Пути мгновенно опутали Марьям, сковывая ее широкие бедра и сильные руки. Она рухнула на пол, отчаянно бьсь и разрывая пути, но численное преимущество было на стороне гвардейцев. Они навалились сверху, прижимая великаншу к мрамору. Тяжело дышащий Чингиз поднялся с колен, потирая ушибленную спину. Его лицо исказилось от бешеного гнева — еще никто во дворце не смел поднимать на него руку. Его уязвленная гордость требовала жестокой расплаты. — Взять её! — яростно прорычал правитель, указывая пальцем на скованную эфиопку. — Бросить эту дикарку в самый глубокий, сырой подвал! Связать так, чтобы шевельнуться не могла! И приготовьте раскаленное железо — я приказываю выжечь на ее мясистых ягодицах мое клеймо, чтобы эта тварь до конца своих дней помнила, кому принадлежит её жизнь и её тело! Гвардейцы с трудом поволокли беснующуюся, кричащую Марьям прочь из спальни, вниз — в темноту каменных казематов. Сколько прошло времени, [Марьям](#) не знала. Дни и ночи в сыром, темном подвале слились в од-

но бесконечное море боли. Её мощное тело ныло, а обожжённая ягодица горела в самом прямом смысле — глубокое, тяжёлое ханское клеймо превратилось в страшный, воспалённый ожог. Гвардейцы регулярно приносили ей воду и тарелку безвкусной каши, но гордая туземка не прикасалась к еде. Однако за эти дни в её голове произошёл тяжёлый, надломленный сдвиг. Измученная и обессилевшая, [Марьям](#) наконец вынесла для себя один страшный урок: отбиться силой у неё не получится. Сила, которая делала её королевой саванны, здесь ничего не значила. 25-летняя великанша теперь панически боялась всего вокруг: шорохов, железных замков, отблесков факелов. Она совершенно не понимала, как ей жить дальше в этом мире и что с ней сделал этот жестокий, не похожий на её соплеменников человек. В следующий раз, когда в подвале раздались шаги и к камере подошёл начальник охраны Равиль, Марьям не стала рычать, вставать в нападающую стойку и бросаться на железные прутья. Свернувшись в комок, 150-килограммовая пленница тихо сидела в самом темном углу сырой камеры и сверлила вошедшего затравленным, полным страха взглядом. Равиль молча понаблюдал за ней, оценивая её покорность. Затем он достал из кармана странную пластиковую штуковину — рацию. Она громко зашипела, и мужчина на своём непонятном, резком языке отдал какое-то приказание. Через некоторое время в подвал спустился ещё один человек. В руках он нёс поднос, от которого по каземату поплыл умопомрачительный, соч-

ный аромат. [Марьям](#) жадно, шумно вдохнула этот воздух, и её пустой желудок тут же издал громкий, урчащий звук. Возле самой решётки её камеры люди поставили большую кружку с пенистой жидкостью и деревянную тарелку, доверху наполненную истекающим соком варёным мясом. Оставив подношение, люди молча ушли. Эфиопка посидела в углу ещё какое-то время, борясь с гордостью и страхом, но голод оказался сильнее. Опираясь на руки, она медленно, волоча за собой израненное тело, поползла к решётке. Настороженно приняхавшись к тарелке, [Марьям](#) протянула свою крупную руку, схватила огромный кусок мяса и почти целиком запихнула его в рот. Слюни вперемешку с горячим жиром потекли по её подбородку на грудь. В этот миг ей казалось, что ничего вкуснее в своей жизни она не ела. Забыв обо всём на свете, [Марьям](#) за считанные минуты подчистую опустошила всю тарелку, не оставив ни единой прожилки. Затем её взгляд упал на кружку. Покрутив её в руках и осмотрев со всех сторон, дикарка всё же сообразила, как из неё пить. Одним мощным махом она осушила всё содержимое. В кружке было креплёное пиво. Непривычный к алкоголю организм туземки среагировал мгновенно. Из её груди вырвалась громкая, мощная отрыжка, и сознание тут же окутал густой, дурманивший туман. Силёны [Марьям](#) окончательно покинули, и её потянуло в глубокий, непреодолимый сон. Впервые за долгое время ей не снились плётки и бани. Ей снилась родная, жаркая Африка, бескрайняя выжжен-

ная саванна и её мирное, высокое племя, бегущее на охоту под палящим эфиопским солнцем. С момента заточения Марьям в сыром подвале прошёл почти месяц. За эти недели её жизнь подчинилась строгому, непонятному, но неизбежному ритму. Постепенно в рацион пленницы начали добавлять новые, изысканные блюда местной кухни. Настоящим откровением для 25-летней эфиопки стал жирный, ароматный плов с бараниной, щедро приправленный восточными специями, который ей подавали с пышными, горячими лепёшками. Это кушанье быстро стало самым любимым для девушки. Алкогольное пиво ей давали ещё лишь несколько раз, в основном стараясь поить её свежавыжатыми сладкими соками и прохладными лимонадами, которые приятно кололи язык. Вместе с новой едой цивилизация принесла и новые требования. Каждый день перед её решёткой ставили большой таз с чистой водой, кусок мыла и странные щётки. Напротив камеры на низкую скамеечку садилась пожилая женщина-служанка с точно таким же набором. Молча, терпеливо и методично она показывала туземке, как пользоваться этими вещами: как намыливать и тереть мощные ноги, как очищать кожу и как чистить зубы. Система воспитания была простой и жестокой в своей эффективности. Стоило гордой Марьям заупрямиться, проявить независимый нрав и отказать мыться или чистить зубы, как её тут же наказывали желудком. Вместо сочного плова и сладкого сока на ужин ей молча приносили лишь кружку холодной воды и тарелку

той самой серой, абсолютно безвкусной каши. Голод быстро брал своё. Постепенно 150-килограммовое тело великанши начало привыкать к чистоте. Ожог на её крупных, мясистых ягодицах затянулся, оставив плотный, багровый след ханского клейма, а кожа теперь пахла не первобытным потом саванны, а мылом и экзотическими маслами. Марьям медленно, шаг за шагом, превращалась в то, что от неё хотели видеть её хозяева — в чистую, ухоженную и покорную рабыню. Следующее откровение для Марьям случилось, когда служанка принесла для неё лёгкий шёлковый халатик кремового цвета, расшитый серебряными нитками. Для 25-летней эфиопки, которая всю жизнь ходила в набедренной повязке из грубой кожи, эта вещь показалась настоящим чудом. Ткань была настолько невесомой и нежной, что казалась прохладной водой, струящейся между пальцев. Серебряные нити узоров вспыхивали и переливались даже в тусклом свете подвального факела. Служанка, сидевшая по ту сторону решётки, развернула точно такой же халат и начала медленно показывать, как продевать руки в рукава и как запахивать полы на теле. Марьям долго и настороженно вертела кремовый шёлк в своих крупных руках. Её 190-сантиметровый рост и мощное 150-килограммовое тело требовали огромного количества ткани. Равиль позаботился об этом — халат был сшит точно по её исполинским меркам. Наконец, преодолевая страх запутаться в чужеродной материи, туземка аккуратно просунула свои массивные, покрытые ко-

роткими кудряшками руки в рукава. Она накинула шёлк на плечи, со второй попытки запахала его на высокой груди и обвязала пояс вокруг широких бёдер. Едва ткань легла на её кожу, Марьям замерла от удивления. Нежный шёлк приятно охлаждал тело, лаская пышные, мясистые ягодички, на которых под кремовой материей скрывался заживший шрам от ханского клейма. В этот момент дикарка впервые почувствовала себя не просто пойманным зверем, а женщиной в понимании цивилизованного мира. Заметив, что пленница успешно справилась с заданием, пожилая служанка одобрительно кивнула и широко улыбнулась. В эту же секунду тяжёлые засовы на дверях подвала заскрежетали, заставив Марьям испуганно вздрогнуть. В каземат уверенной походкой вошёл начальник охраны Равиль. Окинув взглядом покорно сидящую в углу великаншу в роскошном кремовом наряде, он удовлетворённо хмыкнул и вытащил из кармана рацию. — Мой хан, — почтительно произнёс Равиль на своём языке. — Дикарка полностью отмыта, обучена основам и оде-та. Она готова предстать перед вашим величеством. Получив приказ хана Чингиза приготовить дикарку к долгожданной встрече, десять гвардейцев плотным кольцом окружили Марьям и повели её по длинным каменным коридорам дворца в сторону бань. Как только [Марьям](#)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.